

Тихон Хренников: возвращение к музыке

НЕДАВНО я увидела в афише Театра им. Н. Сац сообщение о премьере детского мюзикла "Умные вещи", в котором значилось имя композитора Тихона Николаевича ХРЕННИКОВА. Человека, который больше 40 лет возглавлял Союз композиторов СССР, а потом в начале 90-х его имя вдруг перестало мелькать в официальных сводках. Мне стало интересно узнать, как сегодня живет знаменитый лауреат трех Сталинских, одной Ленинской и еще одной Государственной премии, который умудрился не написать НИ ОДНОЙ песни о вождях! Мне открыл дверь обаятельный мужчина, который при встрече с дамами целует ручки, а когда они уходят, галантно подает им пальто.

Горькие лавры

- НА ВАШЕМ парадном пиджаке, наверное, все ордена и не помещаются? В каком шкафу вы его храните?

- Да, Господи, у меня этих званий, орденов... Только Ленина четыре ордена. Но я никогда не носил ни одного знака отличия. Все очень удивлялись: "Что ты ордена не носишь? Вон, Сережа Михалков чуть ли не спит со своим геройским знаком и орденами". Но я даже на официальные совещания являлся без "иконостаса". Вот они у меня все здесь, в ящике лежат. И я их ни разу не надевал.

...Я писал музыку. Для меня было счастье - сидеть за столом и сочинять, ходить на репетиции, играть на рояле. И вдруг мне звонят ночью и говорят, что надо быть в 11.00 в ЦК. У Дмитрия Трофимовича Шепилова, замначальника Агитпропа. Захожу в кабинет, и Шепилов протягивает мне листок: "Прочитайте решение товарища Сталина". Я читаю: "Назначить Хренникова генеральным секретарем, поручить в апреле месяце провести первый съезд советских композиторов и создать композиторскую организацию..." Я обалдел. В один момент стал руководителем всей музыки Советского Союза. Приехал домой, рассказываю жене. Клара начала рыдать. Это была трагическая ночь. А дальше - съезд. В жизни никогда не выступал, двух слов связать не мог. А тут доклад о советской музыке, которую совершенно не знал.

Но "мой" доклад уже был написан в ЦК. Знаю, кто это сочинял, но в жизни никогда не называл этих фамилий. Все взял на себя, потому что я же читал доклад... Шостакович - глубоко почитаемый мною композитор. Прокофьев для меня - бог в музыке. А я с трибуны съезда говорю: "Формализм крепко внедрился в сознание Шостаковича, Прокофьева и ряда других видных композиторов". Не пытаюсь оправдать себя, всегда старался, как мог, защитить своих товарищей. Уже через полтора года Шостакович получил Сталинскую премию, а потом и Прокофьев. Мы с Сашей Фадеевым пробивали эти премии в комитете. А когда началась борьба с космополитизмом, мои же коллеги травили меня за мягкость. Каждый день из почтового ящика вынимал карикатуры - то я на электрическом стуле, то на виселице, то в руках у меня пропуск на кладбище.

На меня так давили со всех сторон, что я заболел. Меня отправили в Барвиху. Семнадцать дней не спал, начались галлюцинации, понял, что я там просто умру. Барвиха тех лет напоминала зону: на каждом углу стояли энкаведэшники, и уехать оттуда было невозможно. И когда наконец Клара разрешили меня навестить, я сбежал. Как был в пижаме, вышел провожать Клару, лег в машине на пол, она накрыла меня юбкой и увезла в Москву. Если бы не Клара, которая выхаживала меня целый год, я бы не выжил...

Иллюзии и реалии

- ВЫ не боялись Сталина?

- Ну, во-первых, я, как и все, жил с ощущением некой высшей справедливости, которая есть в нашей стране. А Сталин, с которым я встречался на заседаниях комитета по Сталинским премиям, очень умело поддерживал эту иллюзию. Он разрешал спорить с ним и иногда даже принимал предложения, которые противоречили его собственным. В 37-м г., когда по ложным доносам арестовали моего брата и я сумел добиться открытого суда над ним, а потом и освобождения, я еще больше укрепился в ве-

ре, что эта справедливость существует. Хотя другого брата мне не удалось спасти... Тогда очень многое зависело от творческих характеристик, которые давали союзы. Я не написал ни одной отрицательной характеристики. Ни на кого. Однажды ночью взяли двух композиторов, я тут же написал в НКВД, и через три дня их освободили.

- А когда вы перестали возглавлять Союз, отношение окружающих к вам переменялось?

- К сожалению, очень. Изменились даже те, кого я считал своими близкими друзьями. Люди, которым я сделал много доброго и полезного, про меня писали такие гадости. Но я не обращал внимания. Сидел и работал. Появился балет "Наполеон Бонапарт". В 95-м на премьере во Дворце съездов ко мне подошел Владимир Васильев, восхищался музыкой и целовал мне руки. А на следующий день Васильев снял из репертуара Большого театра мой балет "Любовью за любовь", который шел 20 лет. Вот и ответ на ваш вопрос, как люди относились. А как сейчас стараются меня вывести из мировой музыкальной жизни? На Западе много наших соотечественников, которые хотят как-то приспособиться и думают, что если обольют меня грязью, то их сочинения будут исполнять, а мои нет. Но музыка побеждает все интриги. И меня исполняют. А их - нет. Они пишут, что я сталинский комиссар, который держал в страхе всю советскую музыку и оказывал давление на людей. Я никогда ни на кого не давил. Я не написал ни одной песни о вождях, хотя, наверное, должен был. Шостакович писал, Прокофьев, Хачатурян, Блантер. А мне не хотелось.

А сейчас живу лучше, чем раньше, когда мне нужно было отвечать за всех. До сих пор работаю. У меня одна за другой идут премьеры. Моя музыка исполняется по всему миру. Я полностью материально обеспечен. Ни от кого не завишу. Пишу музыку, и это для меня самое главное.

Марина НЕВЗОРОВА

Фото Александра БАСАЛАЕВА

Хренников Тихон Николаевич
07.08.1916